

Полин Реси

Зазноба моя

Полин Реси
Зазноба моя

«Автор»

2026

Реси П.

Зазноба моя / П. Реси — «Автор», 2026

Яростен и упрям княжий воевода Ратмир. Нет на него управы. Увидал на торжище девушку, взыграло ретивое, не видать ей теперь покоя. Только и шепчут губы: "Зазноба моя...". Околдовала ли его неосторожная девка, али просто судьба такая? Он и рвётся к ней, и противится, и заходится сердцем от её непокорности. Улыбается, глядя им в след ведунья, смеётся. Поделом гордому витязю, не поймать ему птичку малую. Вот же пагуба!

Содержание

Часть первая.	5
Часть вторая.	9
Часть третья.	11
Часть четвертая.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Зазноба моя

Часть первая.

- Пусти, - взмолилась, - Пусти, окаянный..., - уж слёзы в голосе. Не чаёт Любава вырваться, клонится от него назад гибкой тростинкою, выгибается спиной, того гляди, подломится. Сердечко бьётся испуганной птишкой, разорвётся, не выдержит. А он ловит спину сильной рукой, не пускает. Дыханием горячим опалает лицо, к устам тянется. А как коснулся губами, совсем потеряла разум, укусила за губу, зло, остро, до крови. Дрогнув, прынул от лица её, сверкнул очами гневно.

- Мавка! Девка злая, непокорная!

Но не пустил, стиснул ещё крепче, что задохнулась она, от силы его, от ужаса, от слабости своей, и миг заволокло всю мглой алой, вертанулся мир и сгинул. Осела в руках его, белая. Замер Ратмир, будто очнулся, ослабил руки, дал дыхания, не бьётся больше, повисла куклой тряпичной. Враз схлынул страстный морок, ясность вернулась, да поздно. Холодным потом по спине прошибло, прижался губами к тонкой жилке на шее, нет, бьётся ещё сердечко, слабо, тихо, будто таясь от него, супостата. Опустил на траву, провёл ладонью жёсткой по нежной щеке. Что ж ты делаешь со мной, лихоманка? Отчего разум теряю? Гладит волосы шелковые, его стараньем растрёпанные, а сердце жжёт виной и страхом, что натворил с девкой, словно, и правда, окаянный... Застонала тихо, нежная, дрогнули ресницы. Отшатнулся, чтоб ещё пуще не напугать, когда очнётся. Как быть? Сердце стальным обручем жмёт, нет сил отпустить от себя. Ни на минуту, ни на долю мгновения. Руки сжал в кулаки, до боли, до хруста. Камень бы сейчас крошить теми кулаками, дерева одним ударом валить. Приподнялась, ноги к себе потянула, оперлась ладошками о землю, напряглась вся, словно зайчишка малый перед побегом. Вздохнул тяжело, с мукою.

- Не беги от меня, Любава. Не буди во мне волка лютого. Побежишь, не стерплю, следом кинусь.

А сам глаза отводит, хмурит брови тёмные. Слаба ещё, куда ей бежать? Лес пусть светлый, да дремучий, далеко до людей, вон куда загнал их её страх, её бегство без оглядки. Как и словил, не помнил. Только мчался, дороги не разбирая. Ветки по лицу хлестали, грохотало сердце в азарте погони, летел вперёд, как волк за добычей. И не было тогда в лесу воеводы степного, перед людьми и князем заслуженного, не было воина славного, себе цену знающего. Всё растерял по дороге, всё забыл. Словно опутало мороком, ослепило, оглушило волшебной. Спросил голосом глухим, виною измученным:

- Признайся, девка, не присушила ли меня?

Она вздрогнула, вскинула на него глаза зелёные. Колдовские, опасные глаза. Плещется в них обида, слезами наливается. Закусила губу дрожащую.

- Не бойся. Только правду скажи, - просит он. Если присушила, приворожила колдунья, значит, нет на нём вины, не его зверь наружу вырвался, не злодей он, околдован просто. Но девица мотает головой, не даёт надежды.

- Пошто мне тебя присушивать, грозный воевода? - звенит в голосе обида горькая, жаркая, гордостью зажжённая, даже слёзы враз высохли, - Неужто сама себе погибели да позора пожелать могла? Ты вон какой злой...

- Злой? - сверкнул вновь очами синими, гневливыми, да сам и осёкся. И, правда, злой, видно. Попятилась от него, не вставая, скользнула прочь по траве, подол марая. Как теперь к людям вернётся? Разорван рукав рубахи, аж плечо открыто, косы встрёпаны, сарафан испач-

кан, рван ветками по подолу. На плече белом, в прорехе, пальцев его следы синяками чёрными. Не стереть, от мамки не спрятать.

- Не беги, - выдохнул тихо, посмотрел с мольбой, - Не беги, Любава.

Осмотрела себя, взгляд его проследив, ужаснулась. Поняла, что подумают, побелела сызнова, опять заблестели слёзы в зелёных глазах, горькие, душу рвущие. Оперлась на ствол берёзы позади себя, поднялась трудно, неловко.

- Отпусти, сделай милость, - дрожит голос слабый, - Не губи, светлый воевода. Скажу медведя увидела, бежала сломя голову.

- А синяки? – глухо, глаз не поднимая.

Наклонилась, зачерпнула под корнями земли, по руке размазала.

- Спрячу. Никому не скажу, только отпусти.

- Черникой лучше.

Кивнула, сразу соглашаясь. На всё согласится сейчас, лишь бы уйти. Болью стянуло ему грудь, кивнул.

- Хорошо, только провожу. А то ведь взаправду медведя встретишь, бедовая.

Замотала головой, попятилась. Видно, ей и медведю в лапы милее, чем с ним обратно по лесу идти. Махнул рукой, отступила, шаг, другой, развернулась и метнулась прочь шустрым зайчиком. Мелькнула коса пшеничная, другим девкам на зависть, с волной упругой на кончике. Дал скрыться за деревьями и всё ж поднялся, двинулся за ней, только тишком, мягким шагом, не показываясь.

Не быстро бежала, останавливаясь, вслушиваясь в лесные звуки. Он замирал, прижимался к стволам широким, сучку под ногой хрустнуть не давал, смирал дыхание. Видел, как собрала горсть черники да по плечу размазала, синяки скрывая, как уже на опушке переплела косу, одежду огладила. Слышал, как встретили её встревоженные голоса баб да девок, не иначе, искали её уже. Отвечала им звонким голосом, далеко, и не разберёшь, что. Но будто весело. Сильная девка, смелая. Зашлось сердце сызнова, прижался лбом к тёплому стволу, нельзя ему за ней. Долго так стоял воевода, а потом оттолкнулся от дерева, повернулся резко и пошёл в самую чащу, дорогой немногим ведомой.

Любаву домой вели чуть не всем селом. Причитали бабы, про медведя услышав, девки галдели, вопросами сыпали, малышня впереди неслась с воплями: «Медведь! Медведь! Чуть не задрал Любаву!». Выскочили родители к самому плетню. Мамка бледная, батька с тучей на челе. Обхватили с двух сторон, потащили в дом. Нет, не поверили, но до поры ничего не сказали. Пусть разойдутся соседи, не для людских то ушей.

- В баню её веди, - буркнул отец, а в глазах грозою гнев гуляет, нет, не быть добру. Мать сразу послушала, потащила за руку, лишь рубаху чистую прихватив. Как раздевала, как оглядывала, Любава враз поняла, чужих, может, и смогла обмануть, не родных. Мать мыла истово, не жалея, скребла мочалом, тёрла то глиной, то щёлоком. Волосы полоскала на сто раз, будто что-то всё отмыть хотела, да не чаяла. Молчала Любава, не спорила, не жаловалась, и того не понимала, что покорностью своей пугала мать пуще прежнего. Обтёрлась старой мягкой простынёй, в рубаху широкую, длинную, нырнула и села на лавку, дала матери косу чесать-заплетать. Мать плела и всё чаще вздрагивала, а под конец прижала руку к губам, не сдержавши всхлип, горький, страшный. Подняла на неё Любава очи и у самой слёзы выкатились.

- Ой, Любавушка, с кем же ты была, глупая...

Ратмир, княжий воевода

Любава

Часть вторая.

Вышел воевода на лесную прогалину, от других скрытую. Да только был у него уговор особый, право на встречу с ведуньей, что тут жила. Много лет назад, ещё весёлым своевольным отроком, отогнал он от кривой грязной старухи лихих людей, над ней потешавшихся. Поднял из грязи ласково, назвал матушкой. И не знал, кто перед ним. Тех злыдней уже не сыщешь, на погосте если, не прощала старая Яра обид, была памятьлива. А ему подула в лоб и сказала, что сыщет её, коли нужда будет, главное в лес пойти с её именем. Вот нужда и пришла. Пришёл Ратмир со своей кручиною, сложил, как ношу, на порог, сел на ступени кривые, свесил голову. Не звал, не стучал в двери, просто ждал, когда выйти изволит. Не скоро скрипнула дверь, неспешно и вышла хозяйшюка. Обернулся, глаза вскинул, и в который раз подивился, какой же разной является она всякий раз. Видел её и старухой кривой, и девой статной. Нынче вышла к нему жинкой в самом соку, чернобровой, крутобёдрой. А глаза прежние, сизые, холодные, от волшбы студёные.

- Чем язвишь себя в этот раз, свет-воевода, чем изводишь?

Голос насмешливый, русалочий. Провела по спутанным кудрям рукою, пуще взлохматила, за руку взяла да потянула в дом. В избышке чисто, топлено. Занавески на окнах весёлые, петухами красными вышитые. На столе скатерть, и накрыто, будто гостей ждала. Повела рукою, указав на лавку, к столу приглашая. Поклонился с благодарностью, омыл руки в широком тазу, обтёр о рушник узорчатый, волосы пригладил. Сел, сложил на скатерть тяжёлые руки. Она шла вдоль стола, вела рукою по краю, горлицей ворковала:

- Нынче пришёл без меча, без перевязи, в простой рубахе изодранной. Тёмен челом, непокоен. Али у князя в немилости? Али враги одолели?

- В милости я у князя да в почёте. И врагов своих сам уважу, не спущу, - проворчал воевода, насмешку расслышав.

- Что ж пришёл тогда? Аль соскучился? – до него дошла, обняла со спины, прижалась грудью полной, горячей, кудри тёмные к лицу его свесила. Пахнут кудри полынью, руки шее обвили. Смеется смехом томным, женским, манящим. Сбросил руки её, посмотрел строго.

- Не морочь меня, Яра. Мне своей мороки достаточно.

- Что так? – спросила, голову по-птичьи повернув.

Не спросясь, налил себе квасу, хреном сдобренного, ледяного в чарку, долго пил, едва мимо не полилось. Выдохнул.

- Неужто самой не видать, колдунья. Неужто не чуешь? – усмехнулся дерзко. Провела по волосам его русым, от пота былой погони спутанным, вынула заплутавшую сухую былинку, изломала ту, растерла в пальцах, понюхала. Подивилась чему-то, провела по плечам сильным, без ласки, без подначки бабьей. Сняла с пояса ножичек, которым травы в лесу срезала, потянула к себе его ладонь да полоснула по ней без спроса. Даже не дёрнулся воевода, по прежним случаям знал, такая у неё ворожба. Пальцем мазнула проступившую кровь, понюхала, лизнула. Кинула ему на руку полотенце белое, мол, прижми. Пошла вдоль тёмных стен лебедушкой, сняла с одной полки свечу, с другой туесок с диковинным узором, словно пальцем кровью писанным. Блюдце поставила с водой. Зажгла свечку белую, сыпанула в её пламя порошка из туеска, зашипело, заискрило пламя, синим цветом окрасилось. От того пламени воск расплавленный капнула в воду. И застыл белый воск не круглым пятном, а выюном зелёным, причудливым, словно узор на платке.

- Ишь ты... - сказала, блеснув насмешливыми глазами, - Как тебя присушило-то, мил-человек. Был ты воевода знатный, стал раб смертный.

Вскинулся Ратмир от тех слов, ожег взглядом, ощерился.

- Не пугай меня своим страхом, не забоюсь, – вновь запела горлицей, - Что за девка споймала тебя, вольного? Расскажи Яре, поведай.

Повесил воевода голову, тяжестью налились сильные руки. Стыдно ему и маятно, хоть и сам пришёл да гордость открыться не велит. Как сказать, что места себе не находит с тех пор, как завидел Любаву на торжище? Как гнался за ней по лесу, как поймал, будто разбойник? Не княжна, не царица заморская, простая девка зеленоглазая. С косою пшеничной, бровями дерзкими, губами сладкими, как алой малиной мазаными.

Яра вдруг взяла его сзади за вихры, голову откинула, впилась в очи глазами студёными. Закружилось всё перед ним в ледяном мареве, все его мысли о Любаве перед ней картинками пронеслись. Как томился поначалу странным сомнением, как искал с ней встречи, думая, что пройдёт доука. Как пытался забыться, на других гляючи. И как прижимал к себе, собой уже не владея.

- Ох, и горяч ты, Ратмир-воевода. Ох, горяч, девичья пагуба.

Отошла, села напротив через стол, сложила перед ним руки.

- Говорить ли?

- Говори, чего уж там...

- Хорошо. Только и ты не серчай на меня, свет-воевода. Много лет ты девкам да бабам сердце сушил, душу выматывал. Многих ласкал без любви, жаром похоти. Вот и нашлась на тебя управа. Не ведьма тебя присушила, не девка глупая. Раз за разом вслед тебе твердили, пусть и ты так полюбишь, пусть и ты помучаешься. Собралась их обида в один кулак да ударила, словно молотом. Не отвести, не развеять. Жалко только зазнобу твою, ни перед кем не виновную. Не пройдёт этот пламень, не истает. Будешь ты гореть всё ярче, всё яростней. И всё быстрее побежит от тебя твоя любая. Как от зверя лесного лютого.

- Неужели не можешь помочь? – тихо спросил. Поверил, почувствовал. Сердце страхом сковано. Непривычным, неведомым до того. Не страшился врагов, князю смело в глаза глядел, колдунов, бывало, сёк мечом, сомненьем не маясь. А под этими словами дрогнул.

- Ох, мил-друг, так сразу и не ведаю. Поворожить мне надобно, погадать, со свечой посидеть у зеркала. Коли будешь ждать, до зари подожди.

- Буду, - сказал. Взгляд твёрдый, со злым упрямством.

- Тогда спать ложись на полатах, под руку мне не лезь.

Вздохнула и пошла из избы.

Часть третья.

Любава так и осталась на лавке в бане. Пока причитала мать, пока тихо, чтоб не прослышали соседи, шипел отец, всё допытываясь, с кем да где была. Не ударил, боялся крика. Дёгтя на воротах, пересудов злых. Приказал мамке столы во дворе накрывать, звать гостей, радость праздновать, что чудом дочка спаслась. Чтоб не развеялась про медведя сказка, обрела плоть, чтоб шибче поверили. Там же в бане и нарядили её, в сарафан светлый, девичий, косу чисто плели, с лентами. Раз за разом велели повторить рассказ, чтоб не путалась. Что видала лишь издали, что сбежала тишком, а потом сломя голову. Как плутала потом, напугана.

- И глаза опускай тихой горлицей. Улыбайся потупившись, ласково. Так, быть может, успеем просватать, срам прикрыть твой, дурища, - от отцовского шепота, хуже чем от крика, немело сердце.

Гости уж рассаживались. Пиво им выкатили в большой бочке, будто, и правда, на свадьбе. Над столами неслись здравицы, вперемежку с вопросами: «А большой он был?», «А страшный, наверное?», «А рычал на тебя?». И большой, Любава думала, ох, большой. Руки сильные, плечи широкие. Не чета всем мужчинам тутешним. Страшный. Верно всё. Испугал её до смерти, так испугал, что сомлела. Упала в руки его без чувств, без сознания. До сих пор колени дрожат, как вспомнит его. А рычал ли? Да как же тут скажешь? Говорил ей «Зазноба», вот только не ласково, горячо, с пугающей тёмной страстью, до того ей не ведомой. Это слово и раньше слыхала она, парни её примечали, смотрели с ласкою, говорили слова всякие. Брали за руку, мягко, с просьбою. Вырывала руку, гордая. Слов не слушала. И сердились бывало, шептали вслед: «И тебя любовь-присуха плакать заставит». Неужто, заставила? И сбылись те слова, в сердцах кинутые?

Захмелел отец, хорохорился. Вот какую дочку родил, счастливую. Соседи кивали, сперва с согласием, а потом с осторожностью. Стал навязчив он, всё сводил к одному, так искал сватов будущих, что заметна стала нужда его. Затревожились люди, зашептались, что это Микита, так спешит сбавить дочь счастливую? То кичился, женихов разбирал, гордился красавицей, а теперь торопится? Мать давно беду почуяла, всё пыталась его отвлечь, в дом утянуть, а он расходился пуще прежнего. Уже в голос кричал, кто первый просватает? Будто на торжище. Помрачнели соседи, потянулись домой. Опустел двор, мать отца утащила в дом, да поздно уже. Лишь Любава осталась сидеть за столом, ни жива, ни мертва. Никем не просватана.

В ночь уже убирали стол, посуду мыли, молчком, со вздохами. Никто не пришёл помочь из кумушек, значит, заняты, языками чешут, новую судьбу ей шьют. Недобрую, нехорошую. Как бы долго не крутились во дворе, прибираючись, а всё одно, к утру ждало удивление, злое, страшное. Дёгтем все ворота замараны. Не спасло ни пиво бочкой выкаченное, ни разносолы на широком столе, ни здравицы. Вот была она девка гордая, всем другим как назло красавица, а теперь за порог не ступи, глаз не показывай. Протрезвев к утру, да завидев позор у ворот, не стерпел Микита, дал волю рукам. Мамка плакала, закрывала собой, так потом и ревели они, обе битые.

Яра ночь ворожила. Метала камушки, муку сыпала, пополам с золой, засветила свечи у зеркала, до утра ждала, что покажется. После свечи гасила пальцами, дым от огарков развеяла и пошла будить воеводу. Он проснулся хмур, будто с похмела. Слушал её молча, темнел лицом.

- Оба вы, воевода, отмечены. Ты от бабьей кручины, она от гордости. Повинишься – не примет, заневолишь – прощенья не жди. Как в силках вы оба запутались. Две гордыни сошлись, две пагубы. Лихоманкой твоей она станет. Ты – её мучителем. Нету зелья такого, нет такой ворожбы, чтоб смирить два сердца каменных. Сами вы должны, да не знаю, как.

Поднялся в сердцах.

- Не поможешь мне?

Опустила Яра голову.

- Не могу, прости.

Вышел вон, дверью хлопнув в ярости. И остался стоять. Плечи опущены, руки жмёт в кулаки пудовые. Знает, зря осерчал, нет за Ярой вины. Долго стоял, пока не вышла. Обняла со спины, как сестра, по груди огладила, зашептала:

- Смири гордыню, Ратмир. Может, сбудется?

Он поймал её руку, прижал к губам:

- Как всегда, спасибо, красавица.

Смехом русалочьим был ответ. Руку вынула, отстранилась чуть. А когда обернулся Ратмир, всё уж сгинуло. И домишко её на прогалине, и сама Яра-кудесница. Ухмыльнулся:

- Значит, выгнала?

Часть четвертая.

Третий день Любава из дома не шла. Не шла, когда отец старался оттереть ворота, намертво впитавшие дёготь, не шла, когда уехал к ярмарке, чая купить краску, замазать беду. И когда мать, от колодца вернувшись, прошептала с надеждой: «Вроде, тихо всё». Знала, и тишина та не к добру. Вспоминала парней обиженных, гадала, кто из них напакостил? Или девки ревнивые? Мало ли... Всё вертела прялку, свивая нить, только пальцы нужны, умелые, можно не глядеть глазами заплаканными. Так почти и не глядя пряла и пряла, мать лишь шерсть подносила да вздыхала украдкой. А когда сердце не выдержало, схватила дочь за руку, сжала сильно-сильно и спросила снова:

- Расскажи, доченька.

Замотала Любава головой, зло, отчаянно, зубы стиснула. И тогда услышали обе, как застучали у дома копыта, зашумело, заскрежетало что-то. Будто целый конный отряд. Вскочили к окну. У Любавы сердце сразу ухнуло. Схватила за грудь, осела на лавку, белая. Мать увидела, снова посмотрела в окно, губы сжала и встречать пошла, с новой догадкой в сердце.

Воевода сидел на лихом коне, как в былинах сказывали. В дорогом кафтане, меч на бедре, сапоги красные, цены сказочной. Красивый и грозный. Лицо от ветра смуглое, брови чёрные, прямые, суровые. Очи ярые, синие. Кудри русые

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.